

Litera

Правильная ссылка на статью: Сухих О.С. — Утопия и антиутопия как две грани художественной реальности в романе В. П. Крапивина «Ампула Грина» // Litera. – 2022. – № 9. – С. 70 - 82. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.9.38832 EDN: PSHXUO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38832

Утопия и антиутопия как две грани художественной реальности в романе В. П. Крапивина «Ампула Грина»

Сухих Ольга Станиславовна

доктор филологических наук доцент,
кафедра русской литературы,

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603000, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Героя Быкова, 12, оф. кв. 50

Sukhikh Ol'ga Stanislavovna Doctor of Philology Professor, the department of Russian Literature, Institute of Philology and Journalism, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod 603000, Russia, Nizhegorodskaya oblast', g. Nizhnii Novgorod, ul. Geroya Bykova, 12, of. kv. 50

ruslitxx@list.ru

Другие публикации этого автора

DOI: 10.25136/2409-8698.2022.9.38832 EDN: PSHXUO

Дата направления статьи в редакцию: 24-09-2022

Дата публикации: 07-10-2022

Аннотация: Объектом литературоведческого анализа в данной статье является роман В. П. Крапивина «Ампула Грина», предметом же исследования становятся черты утопии и антиутопии в художественном мире этого произведения. Его жанровая природа сложна и многогранна, однако признаки утопии и антиутопии, с точки зрения автора работы, явно просматриваются в тексте. Ведётся исследование социальной и нравственно-философской проблематики, характерной для названных выше жанров. Анализируются также черты поэтики этого произведения, которые работают на создание образов антиутопического и утопического миров. Метод целостного анализа помогает выявить взаимосвязь между двумя топосами: Империей и городом Инском – и чертами двух жанров: антиутопии и утопии. Исследование этих жанровых составляющих «Ампулы Грина» проводится впервые и позволяет прийти к следующим выводам. Образ Империи, который связан с антиутопической составляющей романа, является воплощением тоталитаризма, и жизнь этой страны отмечена глубоким противоречием интересов личности и государства. Образ

Вольного Города Инска несёт в себе черты утопии. Описывая его жизнь, автор использует приём нарушения ожиданий. Предположения читателя и героя, играющего роль путешественника в утопическом мире, мотивируются закономерностями, типичными для общества, далеко не идеального, и они опровергаются действительностью Инска, где царят добро и гармония в человеческих отношениях. Не случайно в романе излагается гипотеза о том, что Инск возник из материализовавшейся фантазии детей. Если образ Империи имеет черты мира начала XXI века, когда и создавался роман, то образ Инска изобилует деталями, связанными с прошлым. Закономерно предположить, что антиутопические черты для автора воплощены в настоящем, а утопические – в прошлом, в воспоминаниях и впечатлениях детства, то есть антиутопическим представлен мир взрослости, а утопическим – мир детства.

Ключевые слова: Крапивин, Амбула Грина, сюжет, жанр, топос, утопия, антиутопия, Великий Кристалл, личность, государство

Abstract: The object of literary analysis in this article is V. P. Krapivin's novel "Green's Ampoule", the subject of the study is the features of utopia and dystopia in the artistic world of this work. Its genre nature is complex and multifaceted, but the signs of utopia and dystopia, from the point of view of the author of the work, are clearly visible in the text. The study of social and moral-philosophical issues characteristic of the genres mentioned above is being conducted. The author also analyzes the features of the poetics of this work, which work to create images of dystopian and utopian worlds. The method of holistic analysis helps to identify the relationship between two toposes: Empire and the city of Insom – and features of two genres: dystopia and utopia. The study of these genre components of "Ampoule Green" is conducted for the first time and allows us to come to the following conclusions. The image of the Empire, which is associated with the dystopian component of the novel, is the embodiment of totalitarianism, and the life of this country is marked by a deep contradiction of the interests of the individual and the state. The image of the Free City of Insk bears the features of utopia. Describing his life, the author uses the technique of breaking expectations. The assumptions of the reader and the hero playing the role of a traveler in a utopian world are motivated by patterns typical of a society that is far from ideal, and they are refuted by the reality of Insk, where goodness and harmony reign in human relations. It is not by chance that the novel presents the hypothesis that Insk arose from the materialized fantasy of children. If the image of the Empire has the features of the world of the beginning of the XXI century, when the novel was created, then the image of Insk is replete with details related to the past. It is natural to assume that dystopian features for the author are embodied in the present, and utopian – in the past, in the memories and impressions of

childhood, that is, the world of adulthood is represented as dystopian, and the world of childhood is represented as utopian.

Keywords: Krapivin, "Green's Ampule", plot, genre, topos, utopia, dystopia, Great Crystal, personality, state

Творчество В. П. Крапивина изучается литературоведами, оценивается критиками, публицистами в различных аспектах. Чаще всего его рассматривают с точки зрения философско-этической, что можно видеть, например, в работе Е. Великановой [1], а В. Каплан в статье «Книги Владислава Крапивина: почему не стоит прятать их от детей» (электронный журнал «Фома» от 14.10.2018) видит в произведениях писателя религиозно-этическую проблематику. Нередко отмечают особый взгляд В. Крапивина на воспитание ребёнка, его место и роль в мире – об этом идёт речь, например, в работе Л. Андреева «Романтический образ детства в прозе В. Крапивина» (её можно найти на сайте «ИнфоПедия»), в исследовании А. Нянина 1989 г. «Характер подростка в трилогии Владислава Крапивина “Мальчик со шпагой”». Изучается и специфика фантастического начала в художественном мире В. Крапивина – таковы работы О. Виноградовой «Авторская модель мира и человека в нём в философско-аллегорической прозе Владислава Крапивина» и В. Талалаева «Топологии миров Крапивина» (обе статьи размещены на сайте «Русская фантастика»), диссертация Е. Великановой «Цикл «В глубине Великого Кристалла» В. П. Крапивина: проблематика и поэтика» (Петрозаводск, 2010. 290 с.). Художественные принципы и приёмы писателя рассматриваются, например, в диссертации Ю. А. Аникиной «Специфика конфликта в художественном мире В.П. Крапивина» (Волгоград, 2014. 167 с.), в статье А. Сидоровой «Антропонимы в трилогии В. Крапивина “В ночь большого прилива”» (сайт «Русская фантастика»), в исследовании И. Сергиенко [2]. Есть и публицистические работы о значимости творчества В. П. Крапивина, его общей направленности – таковы, к примеру, статьи А. Смирнова «Эпоха Командора. Почему Крапивин не хотел входить в школьную программу» («Аргументы и факты» от 09.09.2020), А. Певчева и Д. Ефремовой «Салют Командору: чему учат книги Владислава Крапивина» («Известия iz» от 01.09.2020). Что касается романа «Ампула Грина», то он пока не находился в центре внимания авторов статей и диссертаций, черты утопии и антиутопии в нём до сих пор не становились предметом специального литературоведческого исследования, с чем и связана научная новизна данной работы.

Метод целостного анализа, который, на наш взгляд, наиболее адекватен выбранному нами ракурсу анализа произведения В. П. Крапивина, позволяет проследить, как создаются «взаимосвязанные закономерности» во внутреннем мире художественного произведения [3, с. 75]. Это даёт возможность с помощью изучения различных

аспектов поэтики романа приблизиться к пониманию авторской концепции утопического и антиутопического миров.

Роман В. П. Крапивина «Ампула Грина», как и практически все произведения этого писателя, посвящён теме детства, с одной стороны, и теме тоталитарного государства – с другой. Точкой пересечения этих линий является образ Гриши Климчука, или Грина, как его прозвали. Мальчик оказывается жертвой государственной политики Империи, против законов которой пошёл его отец. Однако по ходу сюжета ребёнок находит пристанище в доброй и счастливой «праведной земле» – в Вольном Городе Инске, где он обретает семью, друзей, надежду, счастье. В произведении перед нами два топоса, изображённых по принципу антитезы, и с этим связано наличие художественных черт двух жанров: утопии и антиутопии.

Утопия как изображение идеального общества, в котором царят порядок, равенство, уверенность в завтрашнем дне, и антиутопия, где порядок оборачивается несвободой, равенство – унификацией, а уверенность в завтрашнем дне – стогнацией, – это две стороны одной медали, поэтому эти два жанра имеют генетическое родство, а иногда их называют разными модификациями одного и того же жанра, например, А. Воробьёва в автореферате диссертационного исследования «Русская антиутопия XX – начала XXI века в контексте мировой антиутопии» (Саратов, 2009. 49 с.) утверждает, что они имеют одну жанровую природу; взаимосвязь с утопическим началом отмечают в жанре антиутопии Б. А. Ланин и М. М. Боришанская [4]; о тесной связи утопического и антиутопического начал говорит и Э. Геворкян [5]. В диссертации Н. Б. Якушевой «Трансформация утопии в антиутопию в культуре XX века» (Санкт-Петербург, 2001. 199 с.) представлены закономерности перехода утопического начала в антиутопическое; из кризиса утопии выводит исток антиутопии Ю. А. Жаданов [6]; С. Г. Шишкина отмечает, что антиутопия неизменно сопутствует утопии [7]. О. Демидова осмысливает эти жанры как амбивалентные, заимствующие черты друг друга [8]. А. В. Бережная, А. С. Веремчук и Г. В. Сорокин в своей статье доказывают, что понятие «утопия» включает широкий спектр смыслов, от идеала до тоталитарного антиидеала [9]. Гибким жанровым образованием представляет утопию А. А. Файзрахманова [10]. Порой исследователи видят признаки утопии и антиутопии в одном и том же произведении, например, в романе Е. Замятина «Мы»: «... наряду с мрачной картиной Единого государства живёт в романе образ Мира за Зелёной стеной – олицетворение первобытного счастья, единства человека с природой» [11, с. 158]. Зелёная Стена разделяет два мира, которые существуют вроде бы отдельно, но они на одной земле, они рядом, они соприкасаются, и у человека есть возможность проникнуть из одного в другой, как это делает О-90.

Точно так же в романе В. П. Крапивина сосуществуют два мира: с одной стороны, Империя, её города Павлоград, Горнозавойск, Ново-Заторск – с другой же стороны, Союз Вольных Городов, куда входит Инск. Только эти два топоса разграничены не территориально, как у Е. Замятина Единое Государство и Мир за Зелёной Стеной, между ними нет «стены».

Империя и Союз Вольных Городов, а соответственно Инск и Ново-Заторск в романе В. П. Крапивина – это две разных грани реальности. Концепция его цикла «В глубине Великого Кристалла» заключается в том, что Вселенная представляет собой кристалл с множеством граней и каждая из них – это определённая модификация действительности. Так же и в «Ампуле Грина» (этот роман формально не входит в цикл о Великом Кристалле, но примыкает к нему) на одной грани – Павлоград и Ново-Заторск, с современной застройкой, с имперскими законами, с враждебными отношениями людей. На другой – Инск, с бревенчатыми домиками, резными наличниками, зелёными дворами, тополями и одуванчиками (тополя и одуванчики – неперенные атрибуты истинно крапивинского мира, родного и близкого автору пространства), с добрыми и сочувствующими друг другу людьми.

Насколько внешне различаются «имперский» Ново-Заторск и «Вольный Город» Инск, настолько же противоположны друг другу социальные законы двух миров. Империя – это государство с монархической формой правления, с единым властным центром, вся его территория экономически и политически подчинена этой власти. В романе В. П. Крапивина слово «империя» приобретает значение имени собственного: это название государства, в котором происходит действие произведения. В то же время такое название явно содержит в себе обобщение, как, например, Город в булгаковской «белой гвардии». Очевидно, что, хотя отечественные реалии и узнаваемы, под Империей имеется в виду тоталитарное государство в принципе. С этим и связана антиутопическая составляющая проблематики и поэтики романа. В антиутопии практически всегда с особой остротой ставится вопрос о взаимоотношениях личности и государства: попытка создать идеальную социальную систему оборачивается тем, что государство жертвует теми, чьи интересы так или иначе не совпадают с принципами рационально организованного «муравейника». В романе «Ампула Грина», как и в других фантастических произведениях В. П. Крапивина («Сказки о рыбаках и рыбках», «Гуси, гуси, га-га-га», «Крик петуха», «Застава на Якорном Поле» и др.), акцент сделан на определённом аспекте этой проблемы – на конфликте ребёнка и государственной системы. Эта проблема есть и в реалистических произведениях В. П. Крапивина, таких как «Бабушкин внук и его братья», «Бронзовый мальчик», «Синий город на Садовой», «Семь фунтов брамсельного ветра», «Дагги-Тиц», ведь «главной темой его произведений – и реалистических, и фантастических – остаётся

положение детей в современном мире» [12], ему в высшей степени свойственна способность «смотреть “вглубь ребёнка” и видеть больше, чем то, что просто лежит на поверхности» [13, с. 79]. В этих повестях и романах есть мысль о том, что тенденции общественного развития, социально-политические приоритеты государства приходят в противоречие с принципами человечности и, в частности, с защитой интересов детей. Отсюда очень частый сюжетный ход, реализуемый В. П. Крапивинным в произведениях реалистического направления: «власти предрешающие», руководствуясь интересами чиновников, политиков, влиятельных бизнесменов, жертвуют детским театром, клубом и т.п. Не менее часто писатель рассматривает ситуацию, в которой школа оказывает давление на ребёнка, не вписывающегося в систему, – это ещё один вариант художественного воплощения проблемы личности и государства / ребёнка и государства, поскольку школа есть не что иное, как «модель» государства, только в малом масштабе. Такие тенденции можно увидеть в романах и повестях В. П. Крапивина «Колыбельная для брата», «Мальчик со шпагой», «Сказки Севки Глущенко», «Бронзовый мальчик» и др. Однако в реалистических произведениях писателя конфликт ребёнка и государственной системы остаётся по большей части в подтексте, поскольку непосредственное столкновение подростка и «властей предрешающих» представляло бы собой отход от принципа жизнеподобия. Фантастика же позволяет раскрыть эту проблему, так сказать, в чистом виде, заострить противоречие, показав прямое противостояние ребёнка и представителей власти. Так и происходит в романе В. П. Крапивина «Ампула Грина».

На территории Империи, которая живёт под властью Регента, действует радикальная политическая группировка «Жёлтый волос», которую негласно поддерживает правящая верхушка. Стоит обратить внимание на название организации, которое на первый взгляд выглядит несколько странным для политического движения, однако оно не может быть случайным, для этой «странности» должна быть причина. Вероятно, писатель вкладывал в это наименование определённое символическое значение. Волосы обычно считались символом мощи, силы, причём как в личностном, так и в социальном плане. При этом волосы на голове ассоциировались с силой духа, тогда как волосы на теле – с физической силой, а порой – и с демонизмом [14]. Заметим, что в романе В. П. Крапивина герои называют представителей радикальной организации «волосатики», а слово «волосатый» вызывает ассоциацию с «растительностью» скорее на теле, чем на голове. Если автор вкладывал в название «Жёлтый волос» символический смысл, то в нём явно была негативная составляющая, возможно связанная с бездуховной, чисто физической силой, причём тёмной по своей природе. О том же говорит и упоминание жёлтого цвета. Его символический смысл является двойственным. Он ассоциируется как с

солярной и «золотой» символикой, так и с понятиями предательства, увядания, болезненности [14]. В контексте романа, очевидно, актуализируется символика нравственно больного общества.

Эта радикальная политическая группировка пропагандирует предельно рациональное устройство общества, в котором каждый «винтик» на своём месте и выполняет свою функцию, принося пользу социальной системе в целом: «Каждая живая особь должна быть полезна структуре, в которой она существует. В нашем случае – Империи» [15]. Основной сюжетный узел романа связан с тем, что «Желтый волос», а вместе с ним и поддерживающие его представители власти исповедуют идею социального «геноцида», но при этом стремятся «сохранить лицо» и очень не хотят, чтобы об их истинных замыслах узнали широкие массы. Идея оптимального функционирования государственного механизма подразумевает избавление от «балласта», то есть беспомощных стариков, беспризорников, больных детей: «Здесь нет жестокости. Просто система понимает: дети эти <...> не смогут быть полноценными членами общества, станут нахлебниками. Так же, как миллионы беспризорников, пенсионеров, бомжей, инвалидов... Они все, как песок в отшлифованных валиках системного механизма. И чтобы механизм вертелся без скрипа, от песка надо избавляться» [15] – так объясняет Валерию Зубрицкому его однокурсник Меркушин, пытающийся завербовать его в лагерь сторонников «рационального» мироустройства и называющий эту программу очисткой общества от «мусора» во имя прогресса. Для планов «Желтого волоса» представляют реальную угрозу сведения, собранные журналистом Юрием Климчуком, в результате сам Климчук арестован, его жена погибает при пожаре в доме. Их сын Гриша воспитывается в детских домах и интернатах, а впоследствии его жизнь оказывается в опасности из-за того, что власти пытаются найти и уничтожить собранные его отцом сведения, документы. Мальчик становится жертвой государственной политики – перед нами узнаваемая ещё со времён Достоевского концепция построения «правильного» общества, в основе которой оказывается «слезинка ребёнка».

Как и практически в любой антиутопии, система, задуманная ради оптимизации общественного устройства, оказывается антигуманной и причиняет страдания человеку, в том числе ребёнку. Одно из воплощений этой системы в романе «Ампула Грина» – «ментухай», то есть представители силовых структур, от которых однажды был вынужден защищаться Гриша. Красноречивый неологизм писателя, образованный как контаминация слов «мент» и «вертухай», сразу обрисовывает характер деятельности этих людей. Олицетворением системы, с её антигуманизмом, становятся и работники спецшколы, функция которых сводится к тому, чтобы контролировать ребёнка, держать его в определённых рамках и вызывать страх перед любым выходом за эти рамки. С другой стороны, даже шайка Моргана, в

которую по ходу сюжета попадает Гриша, – это тоже часть системы. Хотя вроде бы это неформальная структура, состоящая из беспризорных подростков, но это сообщество, сформированное в Империи и живущее, по сути, в рамках тех же принципов, что и вся Империя. Контроль над личностью, воспринимаемой не как свободная индивидуальность, а как элемент системы, выполняющий свою функцию, – основной из этих принципов. Из него вытекает и другая закономерность – существование репрессивной системы, которая есть даже в шайке подростков.

В Империи вроде бы вполне налаженная и внешне благополучная жизнь, но, как только человек проявляет «внесистемность», над ним тотчас же нависает угроза, что характерно для сюжета антиутопии. Вспомним замятинский роман «Мы», где I-330 становится жертвой расправы, D-530 подвергается операции по удалению фантазии, O-90 вынуждена бежать. Подобные сюжетные ходы есть и в романе В. П. Крапивина. Так получается с Валерием, который не принимает идеи очистки общества от «человеческого мусора», проявляя «остатки интеллигентского человеколюбия» [15], по выражению Меркушина. Старший офицер Глухов, стремящийся спасти курсанта, направляет его в Инск, поскольку только там у него есть шанс уцелеть. Судьба семьи Климчуков оказалась гораздо более трагической, когда журналист собрал материалы, разоблачающие «Желтый волос» и стоящих за ним правительственных чиновников. Империя – это мир, в котором солдаты «бегут от издевательств в казармах», студентов, проявляющих свободомыслие, «внутренняя гвардия Регента разгоняет дубинками», а беспризорных детей «гнобят в спецприемниках» [15].

Изображение тоталитарного государства в романе «Ампула Грина» даётся в традициях как отечественных, так и мировых антиутопий, но с определённым акцентом: в крапивинской антиутопии «мерой всех вещей» становится **судьба ребёнка**. И основная авторская интенция – подчеркнуть, что «слезинка ребёнка» не оправдана даже ради построения оптимальной социальной системы.

Однако, как было сказано выше, в романе есть **не только антиутопическое, но и утопическое начало**.

Утопия, как известно, – это место, которого нет, и всё же в определённом смысле оно есть: оно существует в воображении автора и в сознании рассказчика, коим обычно является путешественник, восхищённый картиной идеального общества. То же самое можно сказать и об образе города Инска в романе «Ампула Грина». Амбивалентность этого образа, его одновременно реальность и нереальность, подчеркнута уже эпиграфом, который представляет собой диалог некоего путешественника с продавщицей билетов:

«— Девушка, будьте добры, одно место до Инска. — Такого населённого пункта нет! — А... ну да, разумеется. Но всё-таки один билет, пожалуйста. — Сорок два рубля тридцать копеек... Три

гривенника поищите, у меня для сдачи нет мелочи... Разговор у кассы пассажирских катеров» [15].

В романе упоминается, что, по мнению чиновников Империи, Инска не существует, да и Валерий не находит его на карте, чему в самом Инске совершенно не удивляются. Это можно истолковать двояко. Возможно, автор подчёркивает, что Империя, с её показным благополучием и рационализмом, не хочет признавать существования Союза Вольных Городов, и Инска в частности, потому что это угрожает расшатыванием основ, или нарушением «равновесия порядка», как выразился антиутопический Благодетель в другой крапивинской повести – «Дети синего фламинго». Ведь Инск – город с «говорящим» названием – действительно средоточие иных принципов жизни, воплощение иных человеческих отношений, иных основ бытия, иной реальности, существующей на иной грани Великого Кристалла, чем Ново-Заторск и вся Империя. Но, возможно, дело вовсе не в том, что «имперское» сознание не признаёт Инска, а в том, что его действительно нет в какой бы то ни было реальности: образ Инска, как и Утопии Т. Мора, Города Солнца Т. Кампанеллы и т.д., – это идеал автора, не воплощённый в действительности. Но это не значит, что его вообще нет. Он есть в сознании писателя, и он есть в художественном мире, к тому же автор, наверное, рассчитывал, что он останется и будет жить в сознании и в душе читателя.

В роли путешественника, перед которым открывается мир утопии, в романе «Амбула Грина» оказывается Валерий Зубрицкий, переведённый в Инский институт спасательных служб на Факультет нестандартных технологий. Он с удивлением знакомится как с внешним видом города, так и с «нестандартными» закономерностями жизни его обитателей, а вместе с ним – и читатель.

Не случайно, изображая первые дни жизни Валерия в Инске, писатель так часто использует приём нарушения ожиданий, причём, можно сказать, ожиданий и героя, и читателя, потому что Валерий исходит из того, что типично в нашей жизни. Например, когда он видит Лыша, неловко, как бы прихрамывая бегущего по двору, то первое, что ему приходит в голову, – это что за мальчиком кто-то гонится, а оказывается, что тот проводит эксперимент с летающим стулом. Когда Лыш рассказывает, как сделал ошибку в стихотворении собственного сочинения, Валерий сразу предполагает, что ему поставили плохую оценку, а оказывается, что учительница оценила произведение на пятёрку. Когда к Валерию, заснувшему на скамейке, подходит страж порядка, герой предполагает, что его обвинят в нарушении общественных норм, а поручик Петряев говорит «неожиданно свойским тоном»: «Да ничего ты не нарушил... Просто иду, смотрю, прилег человек. Ну и подумал: может у тебя проблемы?» [15].

Обрисовывая утопический мир Инска, писатель обращает внимание не на социальную организацию, не на экономические и правовые реалии,

как утописты прежних времён, а, прежде всего, на особый дух Инска – на атмосферу, в которой человек человеку брат.

Здесь, в отличие от городов Империи, на окнах домов нет решёток и вообще окна не закрывают в тёплое время. Здесь нет детских домов, потому что нет беспризорников. Здесь стоит памятник букве «И» – соединительному союзу, чтобы ребята не ссорились друг с другом. В этом социуме любого нового человека принимают, и он чувствует себя в царстве эмпатии и дружеского общения. Когда появляется в городе Валерий, то даже дама, сделавшая ему замечание, воспринимается им не враждебно, а примерно так же, как пожилая, чопорная, но справедливая учительница или строгая, но добрая старушка-соседка. Мальчишки угощают Валерия ириской, случайный прохожий рассказывает ему о городе, а милиционер подходит к нему не для того, чтобы указать на нарушение порядка, а для того, чтобы предложить помощь.

Ещё один путешественник, которого судьба забрасывает в необычный город, – Гриша Климчук, и он готов отдать что угодно за возможность остаться в Инске, потому что здесь он видит только добрых людей и хорошие взаимоотношения. Здесь не принято купаться в одиночку, чтобы никто не оставался один на один со стихией, которая может стать опасной. Здесь нет детских домов и интернатов, потому что ребёнок, потерявший родителей, обретает новую семью. Здесь драка между мальчишками становится таким ЧП, которое обсуждают чуть ли не весь город. Здесь Май оставляет на берегу построенный из песка собор-маяк и не боится, что его разрушат.

Говоря о быте и бытии Инска, писатель практически не использует «повествование в структуре тревоги» [16, с. 92–93], за исключением тех моментов, когда в жизнь города пытаются вмешаться извне, для самого Инска тревожность и напряжённость не характерны.

Не случайно и Валерий, и Гриша в Инске ощущают себя как дома.

В художественном мире В. П. Крапивина всегда величайшее значение имел **образ дома**, топоса, который связан с такими понятиями, как защищённость, уют, любовь, семья, – со всем тем, что необходимо человеку вообще, но особенно ребёнку. Дом – одна из базовых ценностей для героев крапивинских произведений, как реалистических, так и фантастических. Впрочем, это характерно не только для его творчества, эту черту можно отметить в художественном мире многих авторов, она, как утверждал Ю. Лотман, идёт от фольклора, причём от мирового, а не только русского: «... среди универсальных тем мирового фольклора большое место занимает противопоставление Дома (своего, безопасного, культурного, охраняемого покровительственными богами пространства) Антидому...» [17, с. 748]. Если «Антидомом» для Валерия и для Гриши Климчука является Империя, то Домом для них становится Инск, и не только для них – для всех жителей города, не случайно Гриша по первому же впечатлению

называет этот город уютным: «Уютный такой» [15] – обычно так говорят о доме. Образ Дома в романе В. П. Крапивина можно понимать как маркер идеального мира, своего рода «праведной земли», потому что здесь герои чувствуют себя счастливыми, и это касается не только личной «устроенности». Здесь ребёнок никогда не ощущает себя лишним, потому что в этом мире каждый день становится «подарком детям» в духе гуманистических воспитательных систем [18]. Здесь торжествуют гуманизм и правда, здесь люди являются людьми в самом высоком смысле этого слова – в таком мире любому хорошо, как дома. Валерий, приехавший в Инск, сразу осваивается в новом для него пространстве, видит в бабе Клаве, в девушке Юне, в поручике Петряеве практически родных людей. Гриша находит в Инске друзей и семью, которая принимает его к себе, а затем вновь обретает отца. Образ Инска имеет черты родного для героев топоса, окрашенного теплом добрых эмоций, связанного с определённым укладом жизни, который можно назвать по-своему идиллическим. Это проявляется даже в топонимике. Например, центральная улица «в Ново-Заторске именуется Имперской, а в Инске Садовой» [15]. Зелёные Дворы, Скворцовский переулок, Кленовый переулок, Луговой проезд, улица Июньского полдня, Колокольчиков проезд, Кукушкин сад, Рыбкин пустырь – в этом пространстве названия многих мест как будто акцентируют внимание на природе, окружающей жителей Инска. Единство человека и природы – одна из граней идеала В. П. Крапивина. Не случайно он так любит изображать тополя, одуванчики, заросли репейника или иван-чая и тому подобные простые образы самой обычной, но близкой человеку, «неупорядоченной» природы. Это напоминает читателю сад, где был штаб тимуровцев у Гайдара, творчество которого В. П. Крапивин очень ценил. «В «Тимуре и его команде» сад заброшен, приобретает черты дикой природы...» – отмечается в статье И. С. Юхновой [19, с. 129]

Ещё один образ, ставший в романе атрибутом идеального мира, – это церковь. В инских дворах Валерий видит старенькие колокольни. Гриша, попав в Инск, идёт «по широкой улице, где через решетчатые изгороди свешивались гроздьи сирени, а впереди ярко белела церковь с зелеными куполами» [15], а затем, рассматривая город с холма, он видит: «Тут и там белели колокольни. Горели золотые маковки. И над зелеными куполами собора тоже сверкали маковки под крестами» [15]. Церковь в восприятии В.П. Крапивина – это не столько религиозный центр (в романе жители Инска не сосредоточены на религиозных канонах, обрядности), сколько символ христианских ценностей, которыми живёт этот город. Рассматривая церковь, Гриша вспоминает о том, что в Инске он не встретил ни одного плохого человека, и в его душе рождается тёплое чувство благодарности и надежды одновременно. Церковь в романе «Ампула Грина» – это своего рода

маяк для людей, как собор-маяк «Кафедраль де ла мар», который строит Май из песка.

Два изображённых в романе топоса – это не только разные грани реальности, это ещё и **образы разных времён**.

Инск, когда мы видим его глазами приехавшего туда Валерия Зубрицкого, выглядит островком старины в мире многоэтажек, сотовых телефонов и т.д. Здесь мальчишки находят старый штурвал, здесь на здании вокзала висит «облупленная эмалевая вывеска со старомодными буквами: ИНСКЪ» [15], здесь «подпоручик муниципальной стражи Петряев ... похож ... на молоденького милиционера-новичка из кино про будни уголовного розыска столетней давности» [15], здесь кондитерская фабрика выпускает ирис «Кис-кис», который не найти в современных магазинах, здесь деревянная лестница и поржавевшие рельсы, между которыми растут лопухи и иван-чай, – всё выглядит как будто «заповедник» прежних времён. «Ух ты, какая старина!» – думает об Инске Гриша, точно так же, как Валерий.

В повествовании об Инске упоминания об Интернете, мобильниках, бейсболках и бриджах воспринимаются как чужеродные вкрапления. Впрочем инские дети пользуются не столько Интернетом, сколько Информаторием, имеющим другую природу: «...как бы сама Земля стала впитывать в себя информацию. Особенно в свои кристаллические массы. Наверно, чтобы всю память сохранить на будущие времена. И каждый человек может в эту память внести все, что хочет» [15], а разного рода негативные излучения здесь глушат плитка бабы Клавы, самовар Максима Максимовича и кофеварка Пети с Кузнечной пристани – предметы, обладающие волшебными свойствами и воплощающими в себе защиту Инска от Империи. В целом от эпохи начала XXI в. в инской действительности остались лишь внешние атрибуты, вроде бейсболок, которые носят мальчишки, в остальном же здесь царит «старина».

Империя, напротив, олицетворяет собой настоящее, с его закономерностями, во многом антигуманными.

Итак, Империя и Инск – это **настоящее и прошлое**, и такая антитеза в романе наполняется ещё одним смыслом: два этих топоса в художественном мире В. П. Крапивина символизируют **взрослость и детство**. Прошлое обладает притягательными чертами, как поленовский «Московский дворик», с которым сравнивает район Зеленых дворов старичок из Инска. А настоящее – оно вроде бы модернизированное, цивилизованное, использующее самые новые технологии, но холодное и чужое, как проект «Ньюсити», который с негодованием отвергли в Инске, предпочтя одноэтажные и двухэтажные домики и палисадники с сиренью и яблонями. Возможно, это как раз взаимосвязано с тем, что для автора прошлое ассоциируется с детством. В произведениях В. П. Крапивина даже послевоенное, голодное и неустроенное детство даёт ощущение некой нормы жизни,

правильности её законов, по которым ребёнок и мать неразделимы, дружба является основой отношений, справедливость торжествует, добро сильнее зла. Это и порождает понимание детства как светлой поры, несмотря на внешнее неблагополучие, тогда как настоящее часто воспринимается писателем как упадочная эпоха, несмотря на внешние черты прогресса. Если рассмотреть произведения В. П. Крапивина начала XXI в., например: «Синий город на Садовой», «Семь фунтов брамсельного ветра», «Дагги-Тиц», «Тополята», – в них показан мир, во многом враждебный человеку вообще и детям в частности. Это очень похожий на антиутопическую реальность, в которой, как правило, воплощены «трагизм и абсурдность», «чувство взрывоопасности и катастрофичности» [20, с. 13]. И ребёнок в таком мире выживает с трудом. «... Наш мир напоминает тёмную полночь на минном поле. Но, впрочем, жить (и счастливым быть!) можно даже тут, имея на руках подробную карту, отражающую расположение мин. Произведения В. П. Крапивина – нечто вроде такой карты», – пишет в своей статье А. Мельников [21].

Если же вспомнить произведения писателя о 1940-1950-х гг.: «Тень каравеллы», «Однажды играли», «Славка с улицы Герцена» и др., – то в них как раз представлен «правильный», добрый в своей основе мир и соответствующий ему хронотоп, светлый, родной, с захолустными и заросшими улочками, старенькими домами, простеньким бытом и при этом с добрыми и по-настоящему человеческими взаимоотношениями. Конечно, и там существуют как добро, так и зло, бывают конфликты, и там всё не безоблачно, но там в целом картина жизни окрашена в светлые тона, проникнута теплом и душевностью. Возможно, поэтому утопическое начало в романе «Амбула Грина» связано именно с Инском как «заповедником» прошлого, воплощением детства. Ведь и Валерий здесь ощущает себя «мальчишкой в желтой форменной рубашке и с белыми царапинами на загаре» [15], и Гриша в доме Веткиных вспоминает раннее детство, когда у него был дом, когда его называли Гришенькой, как назвала теперь тётя Маруся. И не случайно существует предание о том, что Инск построили игравшие дети, а потом он ожил благодаря их воображению и эмоциям.

Инск имеет свою историю, овеянную легендами, но это не препятствует тому, что дух его не меняется ни с годами, ни с веками. Это мир, на который течение времени не оказывает решающего влияния, поэтому он остаётся вне тех тенденций, которые диктуются эпохой конкуренции, монополизации, эрой приоритета целесообразности над эмоциями: «Здесь был особый мир. Тихий, просторный и будто лежащий вне времени» [15]. Царство неизменных общечеловеческих ценностей – такова утопия В. П. Крапивина, и она в восприятии писателя тесно связана с образом прошлого, с образом детства.

Внутри утопического мира вольного города Инска рождается ещё одна утопия – идея Хрустального Храма, которую выражает Май. Он говорит, что любые социальные реформы, смены власти затрагивают лишь поверхностный пласт действительности, а жизнь не изменится по-настоящему, «пока все люди на Земле не станут относиться друг к другу... как люди» [15]. Май собирается сделать огромный хрустальный шар, который будет находиться над землёй, и через него будут проходить, как лучи, души всех людей, тем самым очищаясь от всего тёмного. Май убеждён в том, что в душе каждого человека есть хоть капля света и этот свет поможет любой душе проникнуть в Хрустальный Храм, а в нём уже не будет никакой тьмы и никакого зла. Идея эта воплощает в себе фантастическое начало, а возможность её осуществления связана с необъяснимыми сверхспособностями мальчика Кости, по прозвищу Лыш, который интуитивно чувствует особенности темпоральных потоков, непознанные внутренние свойства предметов и т.п.

Эта «утопия внутри утопии» вытекает из мысли о том, что корень зла – не социальном устройстве, а в том, что в человеке есть не только светлое, но и тёмное начало. Поэтому решение проблемы – не в изменении общественных законов, а в нравственном совершенствовании личности. В этом отношении идея крапивинского героя – в традициях Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Но если классики выражали её в реалистической форме, то в романе «Ампула Грина» она воплощается в фантастическом образе. И эту фантастическую концепцию придумывают и начинают осуществлять именно дети. Это ещё раз подчёркивает ту мысль, что в произведении В. П. Крапивина **утопическая составляющая взаимосвязана с образом детства**, в котором писатель видит и светлое начало, и огромный потенциал.

Итак, мы приходим к следующим выводам. В романе В. П. Крапивина просматриваются черты жанров утопии и антиутопии, и они связаны с двумя антитетичными топосами: Вольным Городом Инском и Империей – согласно концепции писателя это две разные грани Великого Кристалла Вселенной. Жизнь Империи связана с тоталитаризмом, конфликтом интересов государства и человека, в частности ребёнка, тогда как Инск представляет собой идиллическое общество, основанное на добрых отношениях. Особенно значимыми для облика «праведной земли» являются образы дома, церкви, особая топонимика. Империя и Инск – это и образы разных времён: имперская действительность представлена современной для автора на момент создания произведения, а инская показана как «старина», с которой связаны прошлое, детство писателя. Концептуальна для автора мысль о том, что город Инск мог быть создан воображением детей, как и идея вселенской утопии – Хрустального Храма – пришла в голову именно

ребёнку. Утопия В. Крапивина – это мир детства в противовес миру взрослости как антиутопии.

Библиография

1. Великанова Е. А. Достоевский и Крапивин: параллели сходятся // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2008. № 47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dostoevskiy-i-krapivin-paralleli-shodyatsya> (дата обращения: 24.09.2022).
2. Сергиенко И. А. «Формула Крапивина»: сюжетная модель реалистической прозы Владислава Крапивина 1960-1980-х годов // Сюжетология и сюжетография. 2019. № 2. С. 151–165.
3. Лихачёв Д. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87.
4. Ланин Б. А., Боришанская М. М. Русская антиутопия XX века. М.: ТОО «Онега», 1994. 245 с.
5. Геворкян Э. Чем вымощена дорога в рай? // Геворкян Э. Антиутопии XX века: Евгений Замятин, Олдос Хаксли, Джордж Оруэлл. М.: Книжная палата, 1989. С. 5–12.
6. Жаданов Ю. А. Антиутопия XX века: этапы большого пути. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-angliya/zhadanov-antiutopiya-hh-veka.htm> (дата обращения: 10.09.2022).
7. Шишкина С. Г. Литературная антиутопия: к вопросу о границах жанра // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. 2007. № 2. С. 199–208.
8. Демидова О. Р. Зеркало антиутопии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2020. № 3. С. 94–104.
9. Бережная А. В., Веремчук А. С., Сорокин Г. В. Утопия, Мировоззрение, прогресс // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/utopiya-mirovozzrenie-progress> (дата обращения: 24.09.2022).
10. Файзрахманова А. А. Типология жанра литературной утопии // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-zhanra-literaturnoy-utopii> (дата обращения: 24.09.2022).
11. Каракан Т. А. О жанровой природе утопии и антиутопии // Проблемы исторической поэтики. 1992. № 2. С. 157–160.
12. Великанова Е. А. Владислав Крапивин: Фантастическая семья Вселенной («Застава на Якорном Поле») // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vladislav-krapivin->

fantasticheskaya-semya-vselennoy-zastava-na-yakornom-pole (дата обращения: 24.10.2021).

13. Петрова Е. Е. Марсем как образ идеального учителя (по повести М. Аромштам «Когда отдыхают ангелы») // Современная русская литература для детей и о детях. Сборник статей литературных гостиных / отв. редактор И.С. Юхнова. Нижний Новгород: Изд-во Мир печати, 2021. С. 77–89.

14. Тресиддер Д. Словарь символов / Перевод с английского С. Палько. М.: Фаир-Пресс. 1999. 448 с.

15. Крапивин В. П. Амбула Грина. URL: <http://skaz.pro/Полная-версия/Крапивин-Владислав-Петрович/Амбула-Грина> (дата обращения: 05.08.2014).

16. Кузьминых К.И. Структура детективного и авантюрного нарратива в детской литературе // Современная русская литература для детей и о детях. Сборник статей литературных гостиных / отв. редактор И.С. Юхнова. Нижний Новгород: Изд-во Мир печати, 2021. С. 90–99.

17. Лотман Ю. М. Дом в «Мастере и Маргарите» // Лотман Ю.М. О русской литературе. Статьи и исследования: История русской литературы. Теория прозы. СПб: Искусство-СПб, 2005. С. 748–754.

18. Кочемасова Л. А. Реализация идей Януша Корчака в научном творчестве студентов педагогических вузов // Вестник Самарского государственного технического университета. Сер. Психолого-педагогические науки. 2020. №1 (45). С. 80–93.

19. Юхнова И. С. Ценностные ориентиры героев А.П. Гайдара («Тимур и его команда») / И. С. Юхнова // Филологический класс. 2019. №2 (56). С. 126–131.

20. Юрьева Л. М. Русская антиутопия в контексте мировой литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 317 с. 21. Мельников А. Зачем подростку читать Крапивина? // Детские чтения. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zachem-podrostku-chitat-krapivina> (дата обращения: 24.10.2021).

References

1. Velikanova, E. A. (2008). Dostoevsky and Krapivin: parallels converge. Bulletin of the Novgorod State University named after Yaroslav the Wise, 47. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/dostoevskiy-i-krapivin-paralleli-shodyatsya> (date of address: 09/24/2022).

2. Sergienko, I. A. (2019). «Krapivin Formula»: plot model of Vladislav Krapivin's realistic prose of the 1960s-1980s. Plotology and plotography, 2, 151-165.

3. Likhachev, D. (1968). The inner world of a work of art. Questions of literature, 8, 74-87.

4. Lanin, B. A.; Borishanskaya, M. M. (1994). Russian dystopia of the XX century. Moscow: Onega LLP.

5. Gevorkyan, E. (1989). What is the paved road to paradise? In Gevorkyan E. Dystopias of the twentieth century: Evgeny Zamyatin, Aldous Huxley, George Orwell (5-12). Moscow: Book Chamber.
6. Zhadanov, Yu. A. Dystopia of the twentieth century: stages of a long journey. Retrieved from <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-angliya/zhadanov-antiutopiya-hh-veka.htm>.
7. Shishkina, S. G. (2007). Literary dystopia: on the question of the boundaries of the genre. Bulletin of the Faculty of Humanities of the Ivanovo State University of Chemical Technology, 2, 199-208.
8. Demidova, O. R. (2020). Mirror of dystopia. Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin, 3, 94-104.
9. Berezhnaya, A.V.; Veremchuk, A. S.; Sorokin, G. V. (2018). Utopia, Worldview, progress. Izvestiya vuzov. The North Caucasus region. Social sciences, 1. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/utopiya-mirovozzrenie-progress>.
10. Fayzrakhmanova, A. A. (2010). Typology of the genre of literary utopia. Bulletin of the Chelyabinsk State University. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-zhanra-literaturnoy-utopii>.
11. Karakan, T. A. (1992). On the genre nature of utopia and dystopia. Problems of historical poetics, 2, 157-160.
12. Velikanova, E. A. (2008). Vladislav Krapivin: The Fantastic family of the Universe («Outpost on the Anchor Field»). Scientific Notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/vladislav-krapivin-fantasticheskaya-semya-vselennoy-zastava-na-yakornom-pole> (accessed: 10/24/2021).
13. Petrova, E. E. (2021). Marsem as an image of an ideal teacher (based on the story by M. Aromstam "When angels rest"). In I. S. Yukhnova (Ed), Modern Russian literature for children and about children. Collection of articles of literary living rooms (77-89)/ Nizhny Novgorod: Publishing House of the World of Printing.
14. Tresidder, D. (1999). Dictionary of symbols. Moscow: Fair-Press.
15. Krapivin, V. P. (2007). Ampoule of Green. Retrieved from <http://skaz.pro/Полная-версия/Кrapivin-Vladislav-Petrovich/Ampoule-Green>.
16. Kuzminykh, K.I. (2021). The structure of detective and adventurous narrative in children's literature. I. S. Yukhnova (Ed), Modern Russian literature for children and about children. Collection of articles of literary living rooms (90-99). Nizhny Novgorod: Publishing House of the World of Printing.
17. Lotman, Yu. M. (2005). The house in the «Master and Margarita». In Lotman Yu.M. About Russian literature. Articles and research: The History of Russian Literature. Theory of prose (748-754). SPb: Iskusstvo-SPb.
18. Kochemasova, L. A. (2020). Realization of ideas of Janusz Korczak in the scientific creativity of students of pedagogical universities. Bulletin of

Samara State Technical University. Ser. Psychological and pedagogical sciences, 1 (45), 80-93.

19. Yukhnova, I. S. (2019). Value orientations of A.P. Gaidar's heroes («Timur and his team»). *Philological class*, 2 (56), 126-131. DOI 10.26170/FK19-02-16.

20. Yuryeva, L. M. (2005). *Russian dystopia in the context of world literature*. Moscow: IMLI RAS.

21. Melnikov, A. (2013). Why should a teenager read Krapivin? Children's reading. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/zachem-podrostku-chitat-krapivina>.

Правильная ссылка на статью: Сухих О.С. — Утопия и антиутопия как две грани художественной реальности в романе В. П. Крапивина «Ампула Грина» // *Litera*. – 2022. – № 9. – С. 70 - 82. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.9.38832 EDN: PSHXUO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38832